

В БОЛЬШОМ уютном саду, окружавшем старинный дом с мезонином, был пруд. По нему, среди лилий и тины, двигался паром. На пароме любили ездить дети — мальчик Коля и девочка Соня, с братом и сестрой. Однажды мальчик Коля упал с парома и наверняка бы утонул, если бы не оставшаяся «команда» под водительством Сони.

Мальчик был сыном генерал-губернатора Пскова, а Соня — дочерью псковского вице-губернатора, в будущем занявшего, правда ненадолго, даже пост губернатора Санкт-Петербурга. Потом девочка Соня выросла и стала Софьей Перовской, а мальчик Коля — прокурором Николаем Муравьевым, тем самым, кто требовал смертной казни для девочки, которая когда-то спасла ему жизнь... А ведь «исходные позиции» здесь были как будто бы одинаковыми. И эпоха одна — а какие полярные судьбы!

Ну, с мальчиком Колей вроде бы все понятно, но Перовская? О, здесь было много: и нравственное влияние ее матери, поразительной русской женщины, которую дочь боготворила; и полудетская дружба с дочерью декабриста Поджио в Женеве; и волные студенческие коммуны; и «Что делать?», и другие ошеломляющие книги, раскрывающие глаза на жизнь — страшную, дику, неправедную. И вот наконец — выбор, выбор, по словам Блока, «меж волей царской и народной».

Муравьев жил иначе, и тому тоже было множество причин. Но разве есть что-то, что освобождает человека от совести и чести?

Мы порой слишком много перекладываем на плечи социальной судьбы: дескать, «среда заела».

«Верить в то, что злодей вследствие давления среды не мог не убить, я не в состоянии», — записывает в дневнике Достоевский и заставляет Родиона Раскольникова на плахе безмерной внутренней муки искупать свой злой, античеловеческий выбор.

Как это не похоже на личную моральных критериев «теорию выбора» некоторых философов-экзистенциалистов, которые по недоразумению считают Достоевского своим протечей.

Человек каждый день делает тот или иной выбор, и в этом выборе рядом с гулом истории и ее велением всегда слышен и голос его собственной совести и его собственной воли, ибо не только обстоятельства человеческого бытия влияют на людей, но и сами-то «обстоятельства» изменяются именно людьми...» (К. Маркс).

Как практик театра и кинематографа я обратился к проблеме выбора, занимавшей философов со времен Со-

крата, отнюдь не затем, чтобы написать философскую статью: мне хотелось лишь в свете этой проблемы сказать о некоторых явлениях нашего искусства, которые не волновать не могут...

ПОЧЕМУ ТАК охотно сегодня театры ставят «Гамлета»? Не потому ли, что мы ждем от сцены нравственного максимализма?

Выбор Гамлета особенно сложен, ибо жестокий век предлагает ему действовать методами, прямо противоположными его пониманию мира, средствами, ведущими к кровавой бойне. Как дойти до сути? «Проснись, мой мозг» и помоги понять различия между тем, что «кажется» и «есть», — таков, как мне представляется, ключ к Гамлету режиссера З. Корогодского и актера Г. Тараторкина в Ле-

тал в ней слова. обжигающие и переворачивающие душу. Оставим сейчас в стороне несоизмеримость масштабов — дядя Ваня, конечно, не гений, — но об ответственности таланта и человека Смоктуновский и режиссер сказали пронзительно и ясно.

«ОТ ОДНОГО ДНЯ, от одного поступка, бывает, зависит вся идейная жизнь человека. Воспитывать эту идейную несгибаемость надо тогда, когда человек маленький», — так писал удивительной педагогической мудрости человек, сельский учитель, Герой Социалистического Труда В. А. Сухомлинский. Однако выбор приходится делать и человеку взрослому, характер которого в значительной степени уже сложился! Характер! Древние греки говорили, что характер человека — это его

инством которой я считаю то, что режиссер помог актерам самозабвенно жить делами завода.

С первых же секунд спектакля, когда герой его, инженер Чешков (артист А. Грачев), безмерно волнуясь, готовится проститься с учителем, от которого не может не уйти, подчиняясь зову своего инженерного призвания, я вижу, что этот человек сделал какой-то решающий для себя выбор.

Вместо налаженной работы в Тихвине — все сначала и все с боя — на новом месте, в Нерехе. Вместо того, чтобы корректно и мягко войти в систему налаженных, устойчивых, приятельских взаимоотношений, которые призвали к застою некогда знаменитую нерехскую «фирму», этот «бестактный» и «малосимпа-

зет, баснословные гонорары, славу и любовь умницы, красавицы и богачки Мэбел Додж. И что же? Он променял это на то, чтобы быть рядом с шахтерами Коло rado, когда их расстреливали солдаты. Чтобы ставить грандиозные театральные представления о социальных битвах. Чтобы мчаться на конях вместе с пеонами Панчо Вилья, сражаясь за мексиканскую свободу. Чтобы влюбиться в русскую революцию, в Ленина и расказать о ней миру, и уже тяжелобольным снова пробиваться назад в Россию, и пройдя неуязвимым через все опасности, умереть от тифа, свершив свой короткий и ослепительный путь.

Двойников в финале арбузовской пьесы, сидя у подножия памятника тому ученому, каким он мог бы стать, но не стал из-за своего трусливого выбора, говорит своей дочери: «Жить — это уже значит быть правым, слышишь?». Какая ложь! Значит, что же, Рид был не прав? Значит, эти легендарные девчонки-зеничицы из васьлевской повести «А зори здесь тихие», ставшей пьесой множества театров страны, — недожив, недолюбив, погибнув в том недобром лесу и болотах, в битве с гитлеровцами, были не правы и не горят сейчас немеркнущими пятью факелами в сердце и памяти нашей? «Стучат в сердце» эти трагические ранние смерти, но есть и такое понятие, как бессмертие. Пусть будет у человека — и это так нужно — и удобный уютный дом, и изящные вещи, и красивая одежда, и достаток, и отличные телевизоры и машины — но ведь все это можно иметь, и все-таки жизнь будет пуста, если не сделан главный выбор.

Я помню, как, замерев, слушал зал в «Драматической песне», поставленной в театре имени Пушкина Борисом Ра-венских, слова Павла Корчагина, которые произносил, выйдя навстречу залу, прекрасный артист А. Локтев: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

Именно так. История сама собой не движется. Ее делают люди.

«За освобождение человечества!» И это всегда, во всем. До самого рядового, обыкновенного на первый взгляд дела. Таков наш выбор.

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ,
заслуженный деятель искусств РСФСР.

МУЖЕСТВО ВЫБОРА

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ
ЗАМЕТКИ

нинградском театре юного зрителя. Окруженный тупиками черно-белых коридоров Эльсинора, студент Витгенбергского университета мучительно пытается прорваться к истине. Гамлет в театре на Таганке — коренастый, крепко сколоченный, земной — и исполненный горестного предчувствия беды. Гамлет В. Высоцкого знает, что в одиночку ему не сладить со злом, — и все-таки, предвидя поражение, выбирает борьбу.

...И Смоктуновский — дядя Ваня! У него тонкие, изящные руки музыканта, удивительное лицо, освещенное милой, доброй улыбкой. Как только он входит в кадр, черно-белое изображение сменяется цветным, и расцветает сад за окном, ибо в комнату вошел талант.

Но обладатель этого таланта мирно спит на диване, накрывшись газетой. Его уже не интересует время. Оно вопиет в фильме А. Кончаловского «Дядя Ваня» фотографиями крестьянских гробов и страшными снимками детей с распухшими от голода животами. Но для дяди Вани это — лишь шорох газеты, которой он закрылся от солнца.

«Пропала жизнь! — кричит в отчаянии Смоктуновский — Войничский. — Если бы я жил нормально, то из меня мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский...» Глядя на Смоктуновского, веришь — да, быть может... Но Достоевский-то как раз ведь сделал свой выбор и пошел на каторгу, не спал, прикрывшись газетой, а печат-

судья. Я думаю, что некоторая недостаточность «коэффициента полезного действия» интересно задуманной пьесы А. Арбузова «Выбор», поставленной в театре имени Вахтангова режиссером Л. В. Варпаховским, заключается именно в том, что в старте драмы перед нами нет человеческого характера. А. Арбузов предложил нам два «зримых» варианта судьбы талантливого ученого Двойникова: один — где тот выбирает предложение рискованное, беспокойное, «без сетки», но отвечающее его внутренней сути; и вариант второй — в котором Двойников прислушивается «на старте» не к голосу призвания, а к остроконечным советам тщеславия и жажды уважительного благополучия. В этих двух вариантах все разное: идеалы, женщины, противники, друзья... Очень точно Ю. Яковлев играет Двойникова «второго варианта» — жесткого, делового, самолюбивого, с докторской диссертацией, с элегантным домашним баром, с «научным весом», с пустой душой и смутным ощущением того, что все могло сложиться иначе. Почему же не сложилось? Что в самом Двойникове помешало этому? Какие объективные факты сопутствовали его выбору? Как складывалась его жизнь, его характер? Где исток? Этого мы не узнали...

После таких спектаклей проверяешь себя, и подчас тебе бывает стыдно: вот здесь — ты промолчал, когда надо было говорить, здесь — был излишне осторожен, здесь — медлил, когда надо было немедленно действовать.

Уходя из театра, зрители думают не столько о качестве режиссуры и актерского исполнения, сколько о качестве своих поступков. По-моему, это высшая похвала.

МУЖЕСТВО ВЫБОРА! Как это иногда бывает нелегко. С. Бондарчук собирается сейчас снимать картину о Джоне Риде. Вы только представьте себе, какая это судьба! Детство в имени бабушки Шарлоты Грин, в парке, где бродят олени. Затем — аристократичнейший Гарвардский университет, где Джон Рид — любимец. Он приезжает в Нью-Йорк с девизом «выиграть все призы» и сразу же выигрывает их — популярнее уважаемых режиссеров и актеров

«тотальный» человек идет на резкий конфликт и постоянные обострения. Грачев в течение всего спектакля собран, как пружина. Нанося боль другим, он испытывает ее сам; он не может лгать ни себе, ни женщине, ни государству, и, когда он говорит на заводской летучке, на рапорте огромным монологом о силе анализа, об экономике, о перспективе цеха № 26, я чувствую, как у меня в горлу подкатывает комок, ибо я вижу, как мучительно искренне человек размышляет о главном деле своей жизни.

Уходя из театра, зрители думают не столько о качестве режиссуры и актерского исполнения, сколько о качестве своих поступков. По-моему, это высшая похвала.

МУЖЕСТВО ВЫБОРА! Как это иногда бывает нелегко. С. Бондарчук собирается сейчас снимать картину о Джоне Риде. Вы только представьте себе, какая это судьба! Детство в имени бабушки Шарлоты Грин, в парке, где бродят олени. Затем — аристократичнейший Гарвардский университет, где Джон Рид — любимец. Он приезжает в Нью-Йорк с девизом «выиграть все призы» и сразу же выигрывает их — популярнее уважаемых режиссеров и актеров

Сегодня многие театры страны ставят пьесу И. Дворецкого «Человек со стороны». Я видел ее в постановке Анатолия Эфроса, главным досто-